

На рубеже двух годов в ленинградском Большом концертном зале «Октябрьский» проходят концерты Эдиты Станиславовны Пьехи, которая выступает с новой программой, названной ею «Мои друзья». Кстати, вокруг названия возникли вдруг сложности. Дело в том, что билеты на все девять концертов были раскуплены в считанные часы

первого дня продажи и администрация «Октябрьского» попросту не успела оставить для певицы сотню билетов, которые она хотела раздать знакомым и близким людям. Близкие поначалу обиделись, а потом пришли поздравлять: значит, и сегодня Пьеха имеет не сотню, а многие и многие тысячи верных друзей.

МИНУВШИЙ год был для певицы юбилейным: ей исполнилось — своего возраста Эдита Станиславовна не скрывает — пятьдесят лет, а программа «Мои друзья» отменила ее тридцатый артистический сезон. Да, тридцать лет назад, выбрав на эстраде профессионализм, Пьеха перешла с очного отделения философского факультета Ленинградского университета на несуществующее заочное. К этому парадоксу еще вернуться, а пока скажу, что главный шаг на эстраду она все же сделала двумя годами раньше — в новгородный вечер с 1955 на 1956 год, когда в Голубом зале Ленинградской консерватории Эдита по-польски — русский она еще только учила — спела веселую песню «Автобус червонный». Бисировала эту песню четырежды, и уже на следующий день о прекрасной талантливой незнакомке заговорил артистический Ленинград.

Для нее же внимание и признание показали нереальной, незаслуженной сказкой. Но вскоре юную Пьеху и еще безымянный в ту пору студенческий ансамбль консерватории (позже его назовут «Дружба») пригласили на съемки документального фильма с невестой для начинающих артистов названием «Мастера ленинградской эстрады», а затем в том же 1956 году артель «Пластмасс» Ленгорпромсовета записала и выпустила две их пластинки, которые Эдита успела получить до своих первых студенческих каникул и повезла к матери, в Польшу. Любопытно, что настороженные в те времена таможенники хотели эти пластинки изъять, и Пьехе, чтобы доказать, что она обоснованно вывозит их за рубеж, пришлось наизусть пропеть записанные на пластинках песни.

Вернувшись с каникул, опять училась и пела. Но лекции и концерты все чаще накладывались друг на друга, появились тройки, незачеты, «хвосты». Вот тогда она и поехала на прием к министру, в Москву. Три ночи провела на вокзале, три дня просидела в приемной, а затем произошел смешной разговор с министром, который Эдита Станиславовна помнит и любит цитировать:

— Что вы хотите? Повторяю, на вашем факультете заочного отделения нет.
— Хочу учиться.
— Ну и учитесь.

— Но я и петь тоже хочу.
— Тогда пойте.

Разговор в таком роде тянулся столь долго, что министр не выдержал: при условии, что Пьеха будет сдавать экзамены на «отлично», разрешил ей считаться первой и единственной заочницей философского факультета. Так все и было в дальнейшем, только вот диплом она защитить не успела — у Эдиты Станиславовны и А. Броневицкого родилась дочь Илона. Пять лет после этого университет посылал приглашения одной из лучших своих

ветствовало — «буржуазной» певицей). А в результате — еще большая популярность, хотя и сопровождаемая домыслами, слухами. Дошло до того, что многие запутались даже в происхождении Пьехи. В самом деле: родилась во Франции, жила в Польше, стала русской советской певицей... Не очень понятно, тем более на фоне будоражащей, почти несравнимой известности.

И вдруг после двадцати лет напряженной эстрадной работы, сопутствующих радостей и неприятностей — творческий, да

ни яблоко она попробовала в девять лет. После войны мать с отчимом переехали в Польшу, Эдита училась в школе, училась неважно, пока не открыла в себе внутренний голос, который спросил у нее только два слова: «Не стыдно?» И ей в самом деле стало вдруг стыдно, она занялась учебой, после школы поступила в педагогический лицей, который окончила с отличием, а затем на всепольском конкурсе добилась права поступить в советский вуз, где, кстати, за первые же студенческие полгода, впервые не голодая, поправилась на двенадцать килограммов.

ТЕПЕРЬ о том, что мы пока в Пьехе не знаем, — о десятилетии ее жизни после разрыва певицы с ансамблем «Дружба». Оно не было вре-

мене творческого простоя или даже только поиска «нового я». В эти годы Эдита Станиславовна вдруг поняла и осознала себя как солдата — слово, которое в дни наших встреч она повторила неоднократно: «Я просто солдат, я служила, отдавала людям то, что у меня есть, то, что могу, отдавала и ждала новых приказов», «В искусстве надо идти, как солдаты ходят в разведку, надо искать и сражаться». Запомнилась и еще одна ее фраза с армейским уклоном: «Спасибо Госконцерту, что часто посылал меня первой, в про-»

рыв...»
Так было, например, два года назад, когда временно испортились отношения с США, даже наши самолеты туда не летали. Госконцерт все же послал Пьеху на гастроли в Америку, и после нескольких выступлений американцы предложили ей петь в знаменитом Карнеги-холле — первое подобное предложение артистам советской эстрады.
Первой она вообще бывала часто, причем начальные первенства Эдита Станиславовна перечисляет с улыбкой: первая «безголовая» певица на эстраде, первая «микрофонная», первая, снявшая микрофон со стойки и пошедшая в зал, первая, чередующая на

сцене песни и прямой разговор с публикой, первая исполнительница первого советского твиста («Я иду и пою») и первой популярной песни на стихи Марины Цветаевой («Горечь»).

Пьеха стала и первой из советских эстрадных звезд, выступивших в Афганистане после апрельской революции 1978 года, еще до введения туда наших войск. Бывая позже на афганской земле, мне доводилось слышать о Пьехе, между прочим, певшей там на девяти (!) языках, включая пушту и дари, воспоминания, граничащие с легендами: руководители государства устраивали в ее честь приемы, мужчины этой строгой мусульманской страны на концертах вставали и кланялись женщине-певице. Талант советской артистки словно бы слился с

ним карандашом, последняя запись: «Савичевы умерли все. Осталась одна Таня») хранится в мемориальном здании Пискаревского кладбища.

Пьеха задержалась в Шатках, нашла в архивах бывшего детского дома две короткие строчки о Тане: «Принята на довольствие», «Снята с довольствия» с датами 1944 года, нашла и медсестру, на руках которой умерла истощенная после блокады девочка. Вскоре в репертуаре Пьехи появилась потрясающая слушателей «Баллада о Тане Савичевой», а в Шатках поднялся памятник детям, погибшим в годы Великой Отечественной. Первый взнос на него сделала певица, считающая себя, как и Таня, навсегда ленинградкой.

Да и в родном городе Пьеха нашла людей, кому оказалась особенно необходимой как старший друг, как артистка, как мать, — мальчиков и девочек из ленинградского детского дома № 53. Сама полусирота, не имевшая в детстве ни игрушек, ни хлеба, Пьеха ездит туда петь в будни и в праздники, привозя с собой игрушки и «что-нибудь вкусненькое», но только чтобы обязательно хватило на всех, чтобы не было обделенных. Появилась и песня об этих детях — «Мама не приходит», написанная музыкантами ее нового ансамбля, впервые прозвучавшая в нынешних новогодних концертах.

Вот какими были у Пьехи годы относительного снижения популярности на внутрисоюзной эстраде, годы поиска новых песен и новых друзей, и одновременно годы возвращения к истокам и сути песенного искусства.

А ЗАГОЛОВОК для этого рассказа о прекрасной советской певице Э. С. Пьехе придумал не я. Он взят из песни автора-исполнителя А. Лобановского, которую он за неделю до нынешних новогодних праздников подарил Пьехе, и которую Эдита Станиславовна, попросив изъять из текста некоторые, на ее взгляд, «явные преувеличения», поставила в авторском исполнении на открытие своей новогодней программы. Дело в том, что ей понравились строчки, где угадывается сравнение ее и солдатской судьбы: «Прекрасный наряд твой — твой строгий мундир, летящее платье — твой вечный мундир...» А рефрен «Ваш выход, Эдита» звучит для нее приказом, которому она с благодарностью подчиняется все свои тридцать сценических лет.

В. ВЕРСТАКОВ.
(Спец. корр. «Правды»).
г. Ленинград.

ДИАЛОГ ПОСЛЕ КОНЦЕРТА

Ваш выход, Эдита!

выпускник, чтобы пришла, защитила диплом, но Пьеха узнала об этом то на гастролях внутри страны, то перед концертом в парижской «Олимпии», то в Каннах, то на съемках для телевидения или на записи очередной пластинки-гиганта...

О ПЬЕХЕ писали В. Соловьев-Седой: «Она стала первооткрывателем собственного жанра, определенного стиля жизни на сцене»; Клавдия Шульженко: «Микрофон — атрибут XX века, века техники. И тут уж никуда не денешься. Но не надо микрофоном злоупотреблять. Надо, чтобы пел голос. И сердце... Вот здесь эталон для меня — Эдита Пьеха». К ней обращался Ю. Гагарин: «Сколько вы летаете! Сколько у вас перегрузок! И при всем этом вы должны еще оставаться артисткой. Я очень уважаю ваш труд!»

Награды на международных конкурсах, две золотые медали на всемирных фестивалях молодежи и студентов, звания заслуженной, а затем народной артистки России, «Нефритовый диск» за рекордные тиражи пластинок, — и вместе с тем нередкие выпады прессы (ее называли «джазовой», что по критической терминологии тех лет почти соот-

и человеческий тоже разрыв с «Дружкой», десятилетний поиск своего нового места в искусстве и в жизни, и как итог, как награда — нынешний, снова новогодний триумф Пьехи в «Октябрьском»...

Впрочем, от «прошлой себя» она не отказывается. Оба отделения новой программы открываются фантазиями на темы песен пятидесятых — семидесятых годов. Да, молодежь их не знает, не слышала, но для тех, кто постарше, они памятные и близки. А в новых песнях — действительно новая Пьеха, не столько модная певица, «звезда», сколько живой человек с нелегкой, сложной, глубокой судьбой.

Нет, она не француженка и не дочь русских эмигрантов. Родители — Станислав Пьеха, шахтер и Фелиция Каролевская — оба поляки, но встретились и поженлись во Франции, куда приехали искать работу. Там, в небольшом шахтерском городке Нуазель-су-Ляне и родилась Эдита — за два года до второй мировой войны. Помнит себя с четырех лет: с похорон отца и старшего брата Павла, который уже в четырнадцать лет трудился на шахте и умер от перегрузок, недоедания и туберкулеза. Всегда голодной росла и Эдита, первое в жиз-

